

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

Сердюк О.В.

ИСТОРИЯ РУСИ-РОССИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ РУССКИХ ЕВРАЗИЙЦЕВ*

Аннотация: Автор в статье исследует особенности эволюции геополитической мысли и формирования исторического опыта евразийских отношений. Он также рассмотрел процессы, связанные с историей создания городов и формирования границ Руси-России в качестве важной проблемы евразийской теории и геополитики.

Автором показано также, что исторический опыт формирования Руси-России, Советского Союза и постсоветской Российской Федерации в зеркале современных евразийских теорий имеет ряд общих закономерностей, позволяющих при их достаточно внимательном изучении и осмыслении оптимизировать деятельность органов государственного управления.

Ключевые слова: геополитика, евразийское движение, евразийская теория, Россия, историческое развитие.

Движение, возникшее в русской эмигрантской среде в начале 20-х годов, долго оставалось мало известной страницей русской политической истории. Именно движение и научная школа, а не политическая партия или секта, склонная подчеркивать свою аполитичность и сугубо культурологическую направленность. Октябрь 1917 г., Мировая война, Гражданская война с точки зрения евразийцев нанесли огромный вред русской культуре. Проводником безответственной европеизации России и чуждых русскому народу социалистических идей они считали русскую интеллигенцию. Связь евразийцев со славянофильскими представлениями о месте России во всемирной истории очевидна.

Однако евразийская идея не избежала излишней политизации, возник проект создания Евразийской партии (в противовес РКП(б)-ВКП(б), создания евразийского идеократического строя) [1]. Некоторые евразийцы увидели в СССР подлинную Евразийскую империю и заняли просоветские позиции. В конце 30-х годов движение сошло на нет в силу разных причин.

Главный идеолог движения П.Н. Савицкий (1895-1968) не видел в будущей Евразии места для западноевропейской культуры, считал, что общечеловеческую правду несёт миру Россия, которая неизбежно отвергнет социализм, бесчеловечность и мерзость большевизма и возродит Церковь, совершив всенародное покаяние за грех безумного Октябрьского восстания [2].

Согласно евразийским представлениям, извечная борьбу между Лесом (оседлые славяне лесной полосы) и Степью (урало-алтайские кочевники) увенчалась в монгольский период победой Степи, но в XV веке Лес (Московия) взял реванш. С тех пор Московское государство стало главной ценностью русской истории.

* © Сердюк О.В.

Согласно другому евразийскому автору, Г.В. Вернадскому (1887-1973), – между европейской и азиатской Россией границ не существует, а есть только Россия-Евразия, которую населяют не европейцы, не азиаты, а “евразийцы”, имеющие богатое историческое наследие: от монголов – евразийское государство, от Византии – православную государственность. На почве Евразии, правда, с его точки зрения, была заявлена и иная “форма государственности – вечевое устройство и его позднейший аналог – казачий круг. Все названные формы оказались равно удалены не только от исламской цивилизации и государственности, но и от католической. Даже тяжкий удар церковного раскола в ХУП веке не сокрушил евразийского православного духа, позволив противостоять напору католичества, проискам иезуитов и протестантов, масонства и атеизма. Величайший духовный кризис ХХ в. не обязательно приведет русский народ к катастрофе, возможно и возрождение.

Идеи евразийства отличались не только большой эмоциональной насыщенностью, но и научностью. В их разработке приняли участие не популяризаторы истории и политические авантюристы, а профессиональные этнографы, лингвисты, историки, географы, философы, богословы, правоведы.

Евразийцы (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский, А.П. Карсавин), признавая влияние западноевропейских идей на Россию, особенно усилившиеся в эпоху Петра I, считали, что России в Европе делать нечего, что “окно в Европу” следует захлопнуть. Они пересматривали традиционные представления о татаро-монгольском иге, видели не в Киевской Руси, а в монгольской империи (Золотой Орде) истинного предшественника российской государственности. “Киевская идея” представлялась некоторым из них провинциальной. Идею всемирного царства Московское великое княжество восприняло после распада Орды в XVI в. О новейшей истории России П.Н. Савицкий писал, что, ни с кого не желая снимать ответственности, евразийцы в то же время понимают, что коммунистический шабаш наступил как завершение более чем двухсотлетнего периода “европеизации”.

Критика Запада и европоцентризма, призыв к преодолению “ложного” европейски ориентированного сознания – в этом они видели залог гармонического сосуществования народов Руси-Евразии. Разумеется, образ Древней Руси, осененной православием, не исчез из их рассуждений. Многие здесь было взято у славянофилов. Не личность, не борьба за права личности, а братская любовь и солидарность людей считались главными для евразийцев. Плюс представление о государстве как залоге и гаранте всеобщей гармонии. Именно таковым им виделось советское государство, хотя они и предсказывали, что, сохранив от распада империю, большевики всё же не обеспечат единство страны на длительное время и в будущем возможно свертывание российского государства до его славянского и даже великорусского ядра. Однако грядущий духовный кризис не обязательно приведет русский народ к национальной катастрофе, его возрождение возможно.

В отличие от правой и монархически настроенной русской эмиграции, евразийцы увидели в трагедии революции и Гражданской войны глубокий исторический смысл. Будущее России виделось им не в том, чтобы возродиться в качестве европейской державы, а в том, чтобы возглавить всемирное антиевропейское движение. Здесь было сходство с советской геополитической концепцией противостояния капиталистическому Западу и внимания к национально-освободительному движению народов Востока.

Евразийцы считали, что европейские начала, воспринятые Петром I, остались непонятными русскому народу, что сама русская революция – это народный суд над послепетровской Россией, над непонятным и чуждым народу культурным слоем

страны, чужеродной, в значительной части – дворянской, а впоследствии - космополитической интеллигенцией. Реформам Александра II, Столыпина, большевистским экспериментом они приписывали лишь технический смысл. Большевизм прежде всего привлекал их эффективностью государственного управления. Советскую власть они считали компромиссом между большевиками и русским народом. Выходило так, что народ воспользовался большевизмом, чтобы спасти территориальную целостность и возродить мощь страны, а большевики поступились своими утопическими планами, отказались от окончательной европеизации России.

Критики евразийства говорили, что нельзя представлять себе Европу и Азию в виде двух квартир, где попеременно проживает Россия, что европейское и азиатское начала органически присущи России и ни одним из них нельзя пренебречь, у евразийцев подмечали недооценку православия, склонность к изоляционизму, излишне критическое отношение к католицизму. Современные критики евразийства (в основном, из патриотического лагеря) считают его вредной иллюзией, разновидностью идеологии либерального неольшевизма, игнорирующего духовный смысл русской православной цивилизации, подменяющего культурологический подход геополитической “мистикой”, соединяющей несоединимые элементы разных цивилизаций, акцентирующей лишь государственное начало и сужающей патриотизм до требования евразийской державности. “Сегодня “евразийство”, – пишет один из его критиков, – по своей духовной сути является современной модификацией либерального космополитизма и большевистского интернационализма, новой оболочкой мондиалистского мышления” [3].

Главной политической иллюзией евразийцев в 20-х гг. XX в. считают представление, что их движение было способно сменить большевизм. Приспосабливаясь к большевикам, как сменовеховцы, они не хотели. В конце 20-х гг. кое-кто из евразийцев выражал надежды на перерождение ВКП(б) в партию евразийской ориентации. Их политическая наивность очевидна, но не менее очевидно и то, что они не имели ничего общего ни с большевизмом, ни с фашизмом. Раскол движения в 1929 году обнаружил его организационные слабости. В Германии пришел к власти Гитлер, в России укрепился Сталин. Евразийцам, с их идеей содружества народов Востока и Запада, с пропагандой духовных, экономических и политических преимуществ объединенной “Евразии” не осталось исторического места. Их идеи в Советской России замалчивались, они были к тому же чересчур сложны для восприятия.

Однако евразийство как научная школа оказалось своеобразным полигоном идей. Сами евразийцы выражали уверенность, что к их идеям впоследствии будут неоднократно обращаться русские исследователи, что у них будут последователи. Много переключек с идеями евразийства находим мы у Л.Н. Гумилева (1922-1992), который в 1950-х годах сидел вместе с П.Н. Савицким в мордовских лагерях и с гордостью называл себя “последним евразийцем” [4].

В свое время критики евразийства из числа тех, кто считал Русь – Россию европейской державой (П. Струве, П. Милюков, С. Франк), видели социальную опасность этого учения в стремлении возродить русскую национальную гордость на путях разрыва с европейской культурой. Ныне им вторят отечественные неольшевики и либерал-демократы, согласно которым во всех бедах России виноваты не марксизм-ленинизм-троцкизм и его носители, а сам русский народ с его азиатской психологией, исконным экстремизмом и врожденной склонностью к бунту, насилию, грабежу. Но в таком случае аналогичные обвинения следует предъявить немецкому народу за гитлеризм, французскому - за якобинство. Поскольку и немецкий, и французский бунты были не менее “бессмысленны и беспощадны”, чем русский. И дело здесь не в том, что

кто-то признает или не признает идеи евразийства, считает или не считает отечественную культуру евразийской, а в живучести самих этих идей, их необычной прогностической силе, в обаянии самой идеи синтеза культур Востока и Запада, в её высоком гуманистическом содержании.

Сегодня геополитическое положение Российской Федерации, поиски идентичности русского и других этносов бывшего СССР, проблемы суверенизации и нового федерализма в России и “ближнем зарубежье” определяют востребованность идей евразийства, их современное прочтение и осмысление. Принято различать:

- классическое евразийство (1920-е гг.),
- позднее евразийство (Л.Н. Гумилев),
- неоевразийство (А.Г. Дугин),
- псевдоевразийство (Н. Назарбаев, М. Шаймиев) [5].

О представлениях евразийцев классического периода было сказано выше, где подчеркивалась их необыкновенная прогностическая интуиция (коммунизм неизбежно уступит место евразийской идеологии), их патриотическая, а вовсе не националистическая убежденность, что утверждение евразийской самобытности на просторах России-Евразии пойдет по пути если не отвержения, то предельно критического восприятия ценностей западноевропейской (американизированной) культуры [6].

Евразийский подход к событиям русской истории можно иллюстрировать некоторыми “сюжетами”, которые представляются узловыми как для самой истории Руси-России, так и для осмысления геополитики и геостратегии отечественных правителей, пытавшихся решить проблемы на стыке Востока и Запада, Степи и Леса. Представляется обоснованным расположить подобные сюжеты в хронологическом порядке: деяния Святослава, труды и подвиги Александра Невского, восточно-западная политика Ивана Грозного, внешнеполитическая активность Петра I.

Первый сюжет, связанный в основном и главным с деятельностью князя Святослава (964 – 972 гг.), есть смысл обозначить (вслед за Г.В. Вернадским) “имперским планом” (878-972 гг.) [7].

Геополитическое положение Руси, начиная с XIII в., становится предельно сложным – одновременно с монгольским нападением с востока, она подверглась тевтонскому натиску с запада. Геостратегический выбор XIII в. между Востоком и Западом, который предстояло сделать Руси, был судьбоносным [8]. Две модели поведения русских князей в тяжелейшей геополитической ситуации для нас персонифицируются в политике Даниила Галицкого (1238-1264) и Александра Невского (1252-1263).

Геостратегический план Александра Невского в основе своей был ориентирован на вассальное служение Золотой Орде и сдерживание немецко-шведской колониальной интервенции. Бороться на два фронта сил явно не хватало. Главное же в том, что план был выполнен. Северо-Западную Русь не постигла судьба западных славянских племен, частью уничтоженных, частью окатоличенных. Окатоличивания Руси Александр Невский не допустил. Уроки из авантюрной и непоследовательной деятельности Даниила Галицкого он извлёк. Церковь при нём укрепила свои позиции (даже в Сарае была учреждена православная русская епископия). Православие, как часть культурного ядра восточнославянской христианской цивилизации, было сохранено.

Следующий геополитический сюжет связан с Московским царством в XVI столетии и началом подлинного строительства Евразийской империи. Важнейшей вехой на пути национального освобождения Руси была Куликовская битва (1380) [9], событие, в котором до сих пор многое не выяснено.

Если сугубо теоретически перечислить некоторые признаки империи, не претендуя на строгое определение, но и уходя от интуитивного понимания империи как

чего-то грандиозного в геополитическом смысле, монархического в плане государственного устройства, органического в хозяйственно-экономическом отношении и т.д., то получим следующие характерные черты имперского устройства:

- полиэтничность империи как государственно-политического и социального образования подразумевает наличие ведущего, стержневого, цементирующего имперского этноса;

- имперская политика вполне определенно связана с патерналистской практикой покровительства и защиты подопечных этносов, добровольно или насильственно включенных в имперское целое;

- имперский алгоритм общего блага всех подданных дополняется функцией поддержания геополитического баланса в имперском политическом пространстве и на сопредельных территориях;

- имперская идея, наряду с декларируемым (явно или латентно, а порой в лицемерной форме “бремени белого человека”, “цивилизаторской и культуртрегерской миссии колонизаторов) принципом ответственности ведущего этноса, тесно привязывается к мессианскому предназначению ведущего этноса в религиозной или квазирелигиозной (этико-политической) форме.

К сожалению даже самые проникательные из евразийцев с трудом преодолевали некоторые исторические стереотипы, связанные с Петром I, постоянное стремление говорить о его деяниях лишь в превосходной степени.

Сюжет третий. С именем Петра I обычно связывают начало широкой европеизации России. На западный лад были реорганизованы управление, суд, армия, некоторые социальные структуры общества, получила широкое распространение практика приглашения иностранных специалистов.

Русское государство начало достигать пределов своего географического распространения и геополитического могущества.

Россия закрепились на Балтийском побережье, продолжала продвижение к Тихому океану. Внешнеполитическая и военная деятельность Петра I, непосредственные контакты царя-реформатора с европейскими государями, участие в европейской политике – всё это традиционно описывается как ряд блистательных успехов и побед, и особенно – Полтавская битва (1709), строительство столицы на Неве [10]. Армия и флот оцениваются как первоклассные, государственная канцелярия – как одна из лучших, ученая Академия наук – как вполне европейское научное учреждение. Византийская идея царской Московии (имперская по существу), по определению евразийцев, уступила место идее латинского императорства (1721 г.) [11].

Однако даже самые безоговорочные поклонники Петра I не могли отрицать, что видимые достижения были куплены ценой глубоких внутренних конфликтов, перенапряжения народных сил. Европеизация принесла новые идеи, которые были восприняты верхушкой общества, но вызвали протест масс.

Что-то очень существенное не позволяет лишь умиляться правлением царя-реформатора и революционера одновременно. А именно: в “окно, прорубленное в Европу”, потоком понесло русские полноценные рубли, выколотые дворянством из мужицкой России. И дело не только в том, что светлейший “птенец гнезда Петрова” А. Меншиков хранил в зарубежных банках награбленную добычу в размере годового бюджета Империи, чему могут поучиться современные фавориты-натурчиши, но и в том, что это были двести лет разнузданного мотовства дворянства в Карлсбадах, Парижах и прочих “европах”.

Геополитически успехи предшественников Петра I, их геополитическое наследие были впечатляющи: Украина была воссоединена с Россией, у Польши отвоёваны Мо-

гилёв, Витебск, Смоленск, в Прибалтике приобретены Юрьев, Динабург и территория вплоть до Риги. Польша была практически повержена (Петру осталось лишь насаждать там своих воевод), на Востоке казачество дошло до берегов Амура и Нерчинский договор (1689) был всего лишь остановкой в пути, под крепкую руку Москвы просилась Грузия. Эти допетровские успехи опирались на прочное основание: армия наполовину была уже переведена на европейский строй, иностранные специалисты стали обычны, деревня имела достаточно высокий уровень жизни и пользовалась благами самоуправления, Земские соборы собирались достаточно регулярно. Первые русские корабли, театры, газеты и прочее (кроме европейских кафтанов и иностранной военной униформы) были уже до Петра.

Ещё более загадочен миф о военном гении Петра I, существующий вопреки фактам:

На наш взгляд, нельзя сравнивать Петра ни с Суворовым (93 сражения, 93 победы), ни с Ушаковым (46 морских сражений, 46 побед). Выразительна таблица временных затрат России на разгром агрессора на решающие моменты истории:

Смутное время	Россия + ноль правительство	6 лет
Шведы	Россия + Петр	21 год
Наполеон	Россия + Александр I	2 года
Гитлер	Россия + Сталин	4 года

”Во всех четырех случаях.... выиграли те факторы, которые в России выигрывали всегда: пространство, время, массы” [12].

И, наконец, новая столица, “град Петров”, с которым Россия вступала в свой Петербургский период.

Подводя итоги изложенному, следует констатировать:

- имперская идея Руси-России, с точки зрения евразийцев, может вести отсчет со времён Святослава (середина X в.), походы которого в основном и очертили надолго впредь пределы Западной и Юго-Восточной Руси-Евразии;

- реализация имперской идеи, которую обычно в теории связывают с территориальной экспансией имперского Центра, в истории Русской государственности, как правило, была сопряжена с решением национально-освободительных задач: ликвидация хазарского и ордынского ига, отпор немецко-шведско-литовско-польской интервенции, разгром нашествий Наполеона и Гитлера;

- в своей геополитике и геостратегии правители Руси на всех этапах её развития вынуждены были учитывать евразийское геополитическое положение страны, предвидеть внешние угрозы как с Запада, так и с Востока, хорошо понимая невозможность оборонительных и, тем более, наступательных действий на два фронта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См. политический манифест евразийцев. 1926 г. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992. С. 347-415; Исаев И.А. Утописты или провидцы?// Там же. С. 3-26; Исход к Востоку. М.: Добро-свет, 1997.
2. См.: Савицкий П. Поворот к Востоку. М.: 1921; Географические и геополитические основы евразийства. 1934 г. // Элементы (Евразийское обозрение). 1993. № 3. С. 50-54; Его же. Ещё о национал-большевизме. (Письмо П.Струве) // Элементы, 1993. № 4. С. 20-21.
3. Платонов О. Русская цивилизация (дороги цивилизаций) // Русский Вестник. 1993. № 18-20 (спец. выпуск). С. 4; Богомолов Б.А., Цимбаев Н.И. Евразийская идея или Евразийское пространство?//Проблемы судьбы России в современной планетарной обстановке. М.: МНЭПУ, 1997. С. 48-51.; Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. С. 82-90.

4. См.: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993. С. 23-236.
5. См.: Маслин А.М. "Неоевразийство" о судьбе России. М.: РУДН, 1996; Его же. "Неоевразийство" о судьбе России // Вестник РУДН, Сер. философия, 1997. Т. I. С. 202-208.
6. См.: Гумилев Л.Н. Зигзаг истории // Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1992. С. 121-216. Его же. Открытие Хазарии. М.: 1966.
7. Вернадский Г.В. Киевская Русь. Пер. с англ. Тверь: ЛЕАН. М.: АГРАФ, 1996. С. 27-56. Возможно приоритет этой мысли принадлежит Н.М. Карамзину, который называл Святослава «Александром Македонским русской истории» (См.: Горюнков С.В. Незнакомая Древняя Русь. СПб.: Пролог, 1986. С. 61.)
8. См.: Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Пер. с англ. Тверь: ЛЕАН. М.: АГРАФ, 1997. С. 61-65, 144-158; Житие святого благоверного князя Александра Невского // Жизнеописания достопамятных людей земли Русской (X-XX вв.). М.: Моск. рабочий, 1992. С. 50-56; Клепинин Н.А. Святой и благоверный князь Александр Невский. М.: Соратник, 1994 (1927).
9. См.: Кожин В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М.: ЧАСЛИ, 1997. С. № - 44г. Разумеется тут нужен не тот тип разгадки, который граничит с мистификацией (см.; Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая концепция и хронология древней истории Руси, Англии и Рима. Факты, статистика и гипотеза. Т. 1. М.: МГУ, 1995. С. 207-280).
10. См.: Павленко Н. И пробил час. Судьбу государства Российского решил один день – 27 июня 1709 года // Родина, 1997. № 10. С. 68-73; Шишов А. Повторить Нарву шведы уже не могли... // Там же. С. 74-76.
11. См.: Вернадский Г.В. Русская история. С. 152-160.
12. Солоневич И.Л. Указ. соч. С. 450.

O. Serdjuk

HISTORICAL EXPERIENCE OF THE RUSSIAN GEOPOLITICS XX CENTURY - THE BEGINNING OF XXI CENTURY (ON MATERIALS OF THE HISTORICAL ANALYSIS OF THE EURASIANS RELATIONS)

Abstract: The author in the article investigates features of evolution of geopolitics idea and the formation of the historical experience of the Eurasians relations. It also has considered the processes connected to a history of creation of cities and formation of borders of Russia as the important problem of the Eurasians theory and geopolitics.

The author it is proved also, that historical experience of formation of Russia, Soviet Union and the post soviet Russian Federation in a mirror of modern Eurasians theories has a line of the general laws allowing at their close enough studying and judgments to optimize activity of state bodies.

Key words: Geopolitics, the Euroasian movement, the Euroasian theory, Russia, historical development.